

ЕКАТЕРИНА МАЙЕРСОН

студентка факультета російських і східноазійських мов і культур університету Емори (Атланта, США)

В момент просмотра этих картин я думаю о том, что случилось 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Я была тогда ребёнком, и моя мама работала прямо рядом с тем местом, где это произошло. Она говорила о людях, которые были как зомби, когда выходили из этого здания. Они знали, что они должны были выйти, должны были уйти для того, чтобы остаться живыми. Они ходили всегда группой, потому что ощущение, что ты идешь не один, дает тебе какое-то ощущение реальности. Но они не знали, куда они идут. И эти мальчики (о картине «Сдача крови». — *Ред.*) — точно такие же. Они молодые, они еще наивные, чистые... Очень интересно, что они настолько похожи, но все-таки уже есть индивидуальность у каждого. Некоторых видно больше, чем других. И уже льется кровь, и над каждой головой — смерч смерти. Очень интересно, но в этой группе нет лидеров. И центральная фигура — она остановлена полностью. Если идет «авторитет» — откуда он идет? Они смотрят вверх. Кажется, что каждый из них принес свое прошлое. Поэтому как бы идет спор о том, откуда каждый идет. Для меня это очень интересно. От этого полотна уйти нельзя — это центральная картина.

Глядя на это искусство, трудно что-то сказать с точки зрения того, насколько оно современно, коммерциализировано и вообще интернационально. Потому что разговор шел о национальном искусстве. Но для меня это довольно-таки динамично. И сама работа очень динамична. Если говорить о практической, зрительской стороне вопроса, то в галереях Нью-Йорка это может быть очень интересно, на мой взгляд. Но при этом не знаю, насколько это может быть по-

нято, поэтому нужен какой-то перевод, введение в контекст, смысловая адаптация. В Америке люди не то чтобы мало знают, но они не знают и не смотрят с такого ракурса, и их понимание неточно. О том, что это настоящее искусство, — об этом нет разговора. Но должно быть, конечно, предварительно какое-то понятие о стране, о ситуации и т. д., чтобы это глубже понять.

По поводу принадлежности к традиции, это искусство одновременно и абстрактное, связанное с абстракционизмом, и при этом сюрреалистическое. Есть понимание точности, что художник знал, что он хотел сделать. Он не просто расположил какие-то образы. Вот эти геометрические фигуры (в сериях «Проекция», «Рана реальности». — *Ред.*) — если вы посмотрите, например, там идет и абстракция, и слова, и фигуры. Я вижу, что человек — внутри. Конечно, он — в реальности, но также еще и глубоко — в абстрактной реальности.

Если размышлять над словом «метанойя», говорить о восприятии искусства через христианство и о том, что это может значить для молодых американцев и для меня лично, то это зависит от самого субъекта, конечно. Думаю, что я духовный человек, но не знаю, религиозный ли я человек. Конечно, увиденное настраивает на духовные мысли, но я не чувствую, что это связано с определенной духовной традицией. Скорее, с трансрелигиозной. Думаю, что люди, пришедшие сюда из какой-то религиозной традиции, всегда могут связать свои впечатления с чем-то из их доктрины. Но, в первую очередь, здесь очень сильна тема распятия. И для меня это очевидно вне зависимости от какой-либо религиозной идеи.